

Ф. Д. НЕФЕДОВ

НА ТЕКСТИЛЬНЫХ
ФАБРИКАХ
в 70-ые годы



Картина Н. И. Верхутова «Расчет (перед стачкой)».

■ ■ ■

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 616

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“

МОСКВА—1981

К. АЛТАЙСКИЙ

ДОНБАСС
о ВОРОШИЛОВЕ

ВРЕМЯ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ

РАССКАЗЫ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛИ НЕ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

В. КИРШОН

ДНИ БОЛЬШЕВИКОВ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

МАЙКЛ ГОЛД

ПРОКЛЯТЫЙ АГИТАТОР



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

В. ГЕРАСИМОВА

ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

ЭГОН ЭРВИН КИШ

АМЕРИКАНСКИЙ РАЙ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

Б. ЛЕВИН

РЕВМАТИЗМ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

АРК. МЛОДИК

БИОГРАФИЯ
ЗАВОДА



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

АНДОР ГАБОР

ГОРОД ТОЛСТЯКОВ



ВРЕМЯ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
№ 100
С. 100-101
1938-1939

Ф. Д. НЕФЕДОВ

**НА ТЕКСТИЛЬНЫХ
ФАБРИКАХ
В СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНА

**Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»
Москва—1931**

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ

"О Г О Н Е К"

Последний, 26, Телеф. 69-61.

Уполномоченный
Главлита В 4990

Тираж 20.000

На обложке картина Н. И. Верхотурова „Расчет (перед стачкой)".

Ф. Д. НЕФЕДОВ И ЕГО ОЧЕРКИ РАБОЧЕЙ ЖИЗНИ

Вышедшими недавно в этом же издании очерками А. П. Голицынского и Н. А. Благовещенского—бытописателей фабричной жизни 60-х и 70-х годов, не исчерпываются очерковые произведения, посвященные жизни рабочих в ту эпоху. Существуют еще несколько ныне совершенно забытых публицистов и писателей, которые с полным сочувствием к тогдашней тяжелой жизни; и с «нескрываемой ненавистью к жадным капиталистам обрисовали с большой красочностью жизнь тогдашнего фабричного пролетариата в ряде своих очерков. Эти произведения остались погребенными на страницах тогдашней периодической печати и ни разу не извлекались в свет, а их авторы зашифровывали свои фамилии инициалами и псевдонимами или предпочитали печатать свои очерки совсем без указаний на свое авторство.

К таким произведениям принадлежат впервые переиздаваемые очерки «Наши фабрики и заводы», печатавшиеся без подписи в 1872 году в «Русских ведомостях» (в №№ 59, 60, 61, 62, 79, 80, 82, 83, 84 и 85). Принадлежат они перу Филиппа Диомидовича Нефедова (1838—1902), ныне совсем забытого писателя, но многие создания которого могут быть далеко небезынтесными и нынешнему читателю. Ф. Д. Нефедов—уроженец известного в истории русской промышленности села Иванова (ныне город Иваново-Вознесенск). Отец его был крепостным крестьянином гр. Шереметева. В 40-х гг. отец Нефедова разбогател и открыл небольшое промышленное заведение. После школы Нефедов пробыл в селе более 10 лет; отец прилаживал его к своим делам, ставил за прилавок в лавке (см.

А. В. Смирнов—«Ф. Д. Нефедов. Его жизнь и деятельность». «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVIII, 1917—18 гг.). Большую жизненную школу Нефедов получил в селе Иванове, конечно, потому, что именно здесь очень резко была тогда проявлена социально-классовая рознь масс и кучки фабрикантов. «Жизнь в Иванове давала в те годы немало; здесь и в те годы мир резко и отчетливо делился на богатство и бедность, капитал и труд. Социальная рознь была фактом, бьющим в глаза», пишет исследователь (см. Н. Ф. Бельчиков—«С. Г. Нечаев в с. Иванове в 60-е годы». «Каторга и ссылка» 1925 г., № 1). Таким образом, Нефедов, проживший до двадцатилетнего возраста в селе Иванове, рано понял всю остроту социальных противоречий жизни.

Кроме того, большое влияние на молодого Нефедова имел поселившийся около этого времени в Иванове литератор В. А. Дементьев «Богато одаренная и широкая натура Дементьева явилась светлым лучом в темном царстве, к нему потянулись долго дремавшие молодые силы, и Нефедов нашел в нем истинного друга и руководителя», пишет А. В. Смирнов. Вместе с С. Г. Нечаевым, впоследствии знаменитым революционером, Дементьев с Нефедовым составили в Иванове основу литературного кружка. Этот кружок вскоре перенес свою деятельность в Москву, куда—вскоре после переезда в начале 60-х годов Нефедова—переселились и Дементьев, и Нечаев (см. «Из быта литературных кружков 60-х—70-х годов».—«Литература и марксизм» 1928 г., № 3)

Все это, конечно, послужило основной причиной того, что ряд наиболее ранних произведений Нефедова как раз и дает немало интересных свидетельств о жизни рабочих-текстильщиков эпохи шестидесятых и семидесятых годов В очерке «Девичник», напечатанном в «Отечественных записках» 1868 года, выведено под названием села Бубнова, «знаменитого своими мануфактурными изделиями и обширной торговлей», село Иваново. Второй очерк Нефедова из рабочей жизни—

«Святки в селе Данилове», — напечатанный в «Вестнике Европы» в 1871 году, посвящен жизни того же Ивана. К следующему 1872 году Нефедов принялся за выполнение большого литературного замысла. Он собрался дать «беспристрастное и, по возможности, всестороннее рассмотрение условий жизни рабочего класса, составляющего контингент наших фабрик и заводов». При чем средствами для этого Нефедову должны были послужить «личные наблюдения и непосредственное знакомство с фактами. Чтобы эти факты и наблюдения не были передачею только одних безжизненных цифр и голых сведений, а представляли нам картину жизни рабочих, мы поведем наших читателей в разные мастерские русских фабрик, где целых две трети своей жизни проводит рабочий, введем их в жилище труда, покажем им пищу работника, его заработок и т. д.; в заключение, на основании всего виденного и слышанного приведем все к одному знаменателю». Для начала Нефедов решил приняться за текстильные фабрики знакомого ему села Иванова (оно тогда еще не было соединено с Вознесенским посадом и не было переименовано в Иваново-Вознесенск). Очевидно, для более успешной реализации своего замысла, Нефедов заручился командировкой редакции «Русских ведомостей». В юбилейном сборнике, посвященном пятидесятилетию газеты («Русские ведомости». 1863—1913. Сборник статей, М., 1913 г., ч. II, стр. 124) сказано об этом: «Его сотрудничество в «Русских ведомостях» началось с 1871 г. и продолжалось с перерывами до его смерти. В 1871 г. он был командирован от редакции «Русских ведомостей» во Владимирскую губернию для изучения фабрик, и, повидимому, результатом этой командировки была серия статей «Наши фабрики и заводы».

Но даже первую часть своего замысла — дать описание жизни ивановского пролетариата — Нефедов не получил возможности довести до конца. Его очерки оборвались, к сожалению, на самом интересном для нас месте. Установив тот жуткий факт, что при 15—16-часовом рабочем дне рабочие тратят на сон

всего 5 или даже $4\frac{1}{2}$ часа в день, Нефедов заканчивает: «Как же рабочий проводит остальную часть дня? Где он живет и отдыхает? Это мы узнаем из следующей главы». И внизу в скобках указывалось, что «продолжение будет». Но по цензурным условиям «следующая глава» в газете уже не появилась. По документам запрещение рисуется следующим образом. В связи с очерками о тяжелой жизни ивановского пролетариата, печатавшимися в «Русских ведомостях», чиновник III Отделения Грибовский просил капитана местного корпуса жандармов Тимофеева «собрать и сообщить III Отделению собственной ею величества канцелярии возможно подробные сведения о положении дел в селе Иванове, а также о степени справедливости вышеизложенных газетных известий». В своем докладе даже Тимофеев должен был признать, что «нельзя не сказать, что вообще ивановские рабочие в высшей степени подавлены гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих. Низкая заработная плата, при чрезвычайной дороговизне в селе Иванове продовольственных припасов, еще более уменьшается разного рода вычетами и штрафами, которые взыскиваются фабрикантами за прогул и прочее». Заканчивает же Тимофеев свой доклад так: «В заключение я позволю себе высказать, что в нередких корреспонденциях из села Иванова, помещаемых в газетах почти без исключения, сообщаются мало достоверные сведения, так как пишущие весьма односторонни и даже по большей части мало знакомы с обстановкой и условиями жизни села Иванова и Вознесенского посада. Один из таковых, живущий в Москве и нередко бывающий в селе Иванове, купеческий сын Нефедов, защитник низшего класса населения — хотя и действительно не пользующегося благосостоянием и, как выше сказано, эксплуатируемого фабрикантами — часто высказывается с предубеждением, искажением фактов и явным нерасположением ко всем фабрикантам и вообще лицам состоятельным» (см. Р. Кантор «К характеристике экономического по-

ложения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске». «Архив истории труда в России». П., 1922 г., кн. 5, стр. 20—22).

Жандармы, конечно, заведомо лгали, когда писали об искажении фактов Нефедовым. В его фабричных очерках, несомненно, многое даже недоговорено. Но и собранных им фактов достаточно, чтобы жандармы увидели в нем «защитника низшего класса» и запретили дальнейшее печатание его очерков.

В одном из писем к В. А. Гольцеву, редактору «Русской мысли», Нефедов справедливо писал (18 мая 1888 г.): «В жизни моей и литературной судьбе лежит что-то непостижимое, роковое: за всю мою любовь к людям; симпатию и желание добра я встречал озлобление, вражду и брань, а литературные мои работы никогда не оценивались» (см. Н. Клестов. «Материалы для истории русской журналистики». «Голос минувшего» 1917 г., № 2, стр. 258). И если современники Нефедова недооценивали его литературную деятельность, то в наше время его яркие живые очерки о быте и условиях труда фабричного пролетариата 70-х годов прочтутся с громадным интересом.

И. Зильберштейн.

I

«Село Иваново представляет вид цветущего города,—говорили нам учителя отечественной географии,— в нем находится множество фабрик и заводов, на которых ежегодно вырабатывается хлопчатобумажных изделий на десятки миллионов, и где живет более двадцати тысяч рабочего люда». Почтительно внимали мы красноречивым глаголам, и наше воображение рисовало нам цветущий фабричный город, исполненный богатства, всеобщего довольства и какой-то веселодетельной жизни

Действительно, как только что подъезжаешь к Иванову, особенно в первый раз, впечатление, им производимое, именно таково. Вдали перед вами открывается прекрасный город с каменными зданиями, множеством высоких труб и еще более высоких колоколен и богатыми храмами, золотые главы которых так и ослепляют глаза. Но это впечатление тотчас же сменяется другим, когда локомотив быстро подкатит вас к вокзалу ивановской станции и вы очутитесь лицом к лицу с русским Манчестером. Куда девался красивый город, которым за несколько минут вы восхищались? Нет больше его, он исчез! Вместо красивого города вы уже видите сплошную массу почерневших от ветхости деревянных построек, раскинутых на шестиверстном пространстве, да изредка и кое-где из-за них выста-

вляются каменные дома купцов и длинные корпуса фабрик; везде солома и тес, покрывающие хижины и жилища манчестерцев. Только одни церкви с их золотыми верхами и красные трубы остаются во всей своей неизменной красе и как-то уже особенно резко выделяются из массы окружающего убожества и поражающей нищеты Вознесенский посад, составляющий, так сказать, предместье русского Манчестера и вместе с тем представляющий нечто самостоятельное целое, особую муниципию, также при въезде поразительно походит на обыкновенное село: те же чумазные избы и избенки, крытые соломой и тесом, те же кабаки и даже тот же неизбежный трактир с чудовищно пузатым самоваром на вывеске; потом идут какие-то пустыри, и, наконец, только центр, где находятся торговые ряды, весьма, правда, пустынные, церковь и проходит главная улица Александровская, напоминающая собою что-то смахивающее на уездный город. Самое Иваново еще больше поражает непривычный глаз жителя столицы изрытое оврагами, оно состоит из множества кривых и неправильно расположенных улиц, пересекаемых узенькими переулками; постройки большею частью деревянные, целые улицы сплошь состоят из черных изб, и только местами, рядом с какой-нибудь разваленной хижинкой крестьянина, встречается громадная фабрика с пытящими паровиками или большой каменный дом богача-фабриканта с штофными драпри на окнах. Прибавьте ко* всему этому базарную площадь с торговыми лавками, трактиры и бесчисленное множество кабаков, попадающих чуть не на каждом шагу, и перед вами налицо весь русский Манчестер с его внешней стороны.

Нам предстоит познакомиться с внутренней стороною русского Манчестера, именно—с жизнью его рабочих. Нужно сказать, что это знакомство дело не такое легкое, как оно может показаться некоторым из наших читателей. В Западной Европе существует богатая литература по этому вопросу, что дает полную возможность ознакомиться с его положением и сделать надлежащие выводы; у нас ничего подобного не существует; кроме ограниченного числа журнальных статей, трактующих, однако, больше о различных видах производства, чем о положении рабочих, да книги г. Флеровского нам положительно не на что указать.

В виду всего этого смеем думать, что наш скромный опыт по исследованию у нас положения рабочего класса не будет лишен значения. Главная задача, которую мы себе поставили,—беспристрастное и, по возможности, всестороннее рассмотрение условий жизни рабочего класса, составляющего контингент наших фабрик и заводов. Но какие же у нас средства к выполнению настоящей задачи? Средство пока одно: личные наблюдения и непосредственное знакомство с фактами. Чтобы эти факты и наблюдения не были передачею только одних безжизненных цифр и голых сведений, а представляли нам картину жизни рабочих, мы поведем наших читателей в разные мастерские русских фабрик, где целых две трети своей жизни проводит рабочий, введем их в жилища труда, покажем им пищу работника, его заработок и т. д.; в заключение на основании всего виденного и слышанного нами подведем итоги и приведем все к одному знаменателю.

Для начала труда мы выбрали село Иваново. Это предпочтение оказано ему по двум причинам: во-пер-

вых, мы еще гораздо раньше имели случай и возможность делать наблюдения над жизнью ивановских рабочих и ознакомиться частью с их положением, что для нас в настоящем случае значительно облегчало труд; во-вторых—и это будет самым важным—мы взяли Иваново потому, что оно есть центр хлопчатобумажной фабрикации всей Владимирской губернии. Знакомясь с положением ивановских рабочих, мы вместе с тем узнаем, в каком положении стоят фабричные рабочие не только одной Владимирской, но равно и других губерний, в которых процветает одинаковая промышленность. Иваново—не даром оно названо русским Манчестером—это фокус явления фабричной жизни различных мануфактурных местностей. Независимо от фабрик и заводов Шуи и сел Тейкова, Кохмы, Лежнева и других, которыми со всех сторон окружен русский Манчестер, Иваново одно для собственного своего производства требует рабочих больше 100000 человек обоего пола, из коих 20.000 человек живет на самых фабриках Иванова, а остальная масса работает в уездах Шуйском, Ковровском, Гороховецком и Нерехтском (последний Костромской губернии).

Что село Иваново по своему резко выдающемуся положению среди других мануфактурных пунктов издавна уже служило предметом любознательности, доказательством тому служит обширная литература, какой не имеет по отношению к производству ни один из фабричных городов России, не исключая даже и обеих столиц. Но, к крайнему сожалению, несмотря на такое видимое богатство литературы, в трудах наших предшественников ничего почти не нашли мы прямо относящегося до предмета нашего труда: все

они занимаются или изложением истории села Иванова или развития фабричного производства, или говорят об обширных торговых оборотах и удивляются колоссальности последних; но никто из них не благоволил взглянуть на положение этой черной, не кидającejся ярко в глаза рабочей массы, труду и упорным тяжелым усилиям которой Иваново обязано своей громкою славою, цветущею фабрикациею и миллионами фабрикантов. Читая и пересчитывая труды наших почтенных предшественников, приходишь к одному заключению мануфактура в с Иванове процветает, шаги по части усовершенствования делает гигантские, сами фабриканты с каждым годом богатеют, и рабочие их все от мала до велика благоденствуют. Вот суть всех статей о с Иванове Только статья г-на Власьева представляет некоторое исключение в ней еще кое-где встречаются попытки автора определить заработную плату, есть намеки на что-то, но, против воли самого автора, попытки не удались, потому что приведенные цифры относятся к области мифической и в действительности не находят ни малейшего подкрепления, а намеки темны и могут быть комментированы всяким по наитию. Таким образом, при всем обилии литературных материалов в результате оказывается, что нам весьма немногим придется заимствоваться из этого источника; и как средством при исследовании занимающего нас вопроса придется пользоваться личными наблюдениями и теми изустными и письменными сведениями, которые нам удалось добыть на месте от разных лиц.

В настоящей статье мы намерены, показать, насколько труд фабричный, сменив собою в Иванове

труд земледельческий, был благодетелен для местного и окрестного населения и до какого состояния он довел материальный, нравственный и умственный быт рабочей массы. Чтобы резче и определеннее представить нам себе настоящее положение рабочего класса, мы предположим краткий очерк развития фабричного труда, очерк, который введет нас в самую жизнь и покажет во всей своей наготе настоящее положение рабочих знаменитого русского Манчестера.

В связи с развитием фабричного труда необходимо будет сказать о развитии ситцевого производства в Иванове, что мы и сделаем в следующей главе.

II

Перенесемся лет за полтора ста назад и взглянем на тогдашнее село Иваново. Мы видим громадную, на несколько верст раскинувшуюся и густо населенную деревню; три церкви, из которых одна каменная, и какой-нибудь десяток кирпичных домов несколько не нарушают цельности впечатления деревенского вида. Базарная площадь посередине селения, в беспорядке разбросанные деревянные лавочки и вёсы под тесовым навесом свидетельствуют, что тут в известные дни, происходит торговля. За селом, с северо-восточной стороны, между зелеными лугами извивается река и теряется из глаз в бесконечности изгибов на юге; с запада взорам открывается широкое поле, идущее вплоть до леса, который со всех сторон окружает Иваново и тянется на десятки верст. Здесь на этом поле летней порою все полно деятельно бодрой жизни. Лето кончилось, хлеб с поля весь свезен и ббмолочен. Картина переменилась. Ста-

рики теперь отдыхают, изредка лишь выезжая в соседний лес за дровами и от скуки справляя кое-что по дому; молодичи и девки усаживаются за «станы», ткот холсты и полотна; молодежь, мужчины запасаются лучком и идут в разные концы России бить шерсть или на другие какие промыслы. На пасху они возвращаются по домам, принося с собою зимние заработки, и с весны опять принимаются за свою кормилицу—землю. Сам помещик от них далеко—он живет в столице; барщины никто не знает: все живут на оброке. Отличительной чертой нравов того времени служили: прямой характер, честность и безмерная доброта землевладельцев-ивановцев. О пьянстве и других печальных спутниках фабричной жизни, которыми так богато современное Иваново, никто в ту давнюю пору и понятия не имел, даже нет никаких указаний на то, был ли хотя один какой-нибудь кабаk во всем селе.

Но вот в эту жизнь врывается новый элемент. В 1750 г. возвращаются из Шлиссельбурга двое крестьян, долго там жившие; вместе с заработками они приносят на свою родину неведомый никому из их земляков талисман: секрет составления красок и набивки ситца. На следующий год в Иваново является первая ситцевая фабрика; на ней сто набивных и ткацких станков. Насадители этой новой промышленности—Бутримов и Соков, крестьяне, вернувшиеся из Шлиссельбурга. Спустя год в Иваново заводится другая фабрика уже с 300 набивных и ткацких станков; основатель ее—крестьянин Грачев, человек также возвратившийся недавно с «чужой стороны»: он жил на ситцевой фабрике в Москве. С появлением этих

двух фабрик для жителей Иванова открывается новая область труда, труда фабричного. В истории развития фабричного труда в Иванове мы находим два главных момента: труд ручной и труд машинный. Первый момент начинается тотчас по открытии фабрики (1751—1752 гг.) и продолжается до 1840 г. Это время быстрого возникновения целого ряда ситце-набивных фабрик, накопления значительных капиталов в руках отдельных личностей—время постепенного оставлений ивановцами земли и перехода их из земледельческого населения в фабричное. Второй момент—с 1840 г. и до наших дней—характеризуется введением печатных машин и силы пара, производивших страшный переворот в местной производительности и резко определивших дальнейшие судьбы Иванова; хлопчатобумажное производство принимает колоссальные размеры, создаются громадные, по образцу западных устроенные мануфактуры, кустарная промышленность вытесняется и гибнет, задельная плата набойщиков, коренных жителей Иванова, понижается и спускается до minimum'a—словом, Иваново получает то значение, которое дает ему право на громкий титул русского Манчестера.

Рассмотрим теперь ближе оба эти момента в развитии фабричного труда. Прежде всего при взгляде на старинное Иваново нам должен притти в голову следующий вопрос: каким образом могла здесь развиться хлопчатобумажная промышленность? Положим, Бутримов и Сомов жили в Шлиссельбурге и прельстились хорошими барышами, получаемыми от ситцев тамошними фабрикантами; они перенесли, с целью обогащения, эту промышленность на свою родину и

завели фабрики, но откуда Бутримов и Сомов взяли материал для нового производства? Где те местные условия, которые поддерживали бы начало возникающего дела и способствовали дальнейшему его развитию? Село земледельческое (крепостная вотчина графа Шереметева), село, бог знает куда-то заброшенное от всех промышленных и торговых пунктов России и целые столетия бывшее совершенно изолированным, как воспитало на своей почве такое чужеземное растение, как ситцевая фабрикация?

Вероятно, исходя из того положения, что Иваново было селом земледельческим, некоторые из наших публицистов в литературе проводили ту мысль, что ивановская фабрикация есть результат помещичьей затеи и насильно была навязана местному населению. Насколько эта мысль верна, читатели увидят дальше. Что влияние крепостного права действительно было и сказалось на жизни ивановцев, это не подлежит сомнению, но только влияние это обнаружилось в совершенно другом и отнюдь уж не в развитии хлопчатобумажной фабрикации. А между тем дело объясняется весьма просто. Иваново уже в себе самом заключало необходимые соки для питания привозного растения, и Бутримов с Сомовым нашли готовую почву; иначе они, как люди неглупые и с сильно развитым практическим смыслом, вряд ли решились бы на риск пустить на ветер свои трудовые денежки. Какие же местные условия благоприятствовали развитию ситцевой фабрикации? Мы уже знаем, что в Иванове женщины занимались ткачеством холста и миткаля; это было чисто домашнее и для удовлетворения домашних нужд производство; материал для

себя они получали со своих полей, на которых засеивались вместе с хлебом конопля и лен. Вот этим-то материалом и воспользовались основатели ивановской фабрикации. Первые ситцы, вышедшие на свет божий с ивановских фабрик, представляли не что иное, как кусок холста или полотна, расцвеченный во всю длину красками; полотно и холст употреблялись на ситцы даже гораздо позже и миткалем были заменены не раньше как в начале текущего столетия.

Все почти авторы статей о с. Иванове говорят, что первоначальные занятия местных жителей состояли в земледелии и ткачестве полотна и миткаля. Не знаем, на основании каких данных они приписывают доисторическим ивановцам миткалевую промышленность и положительно не имеем никакого основания допустить этого. Хотя у нас, в России, хлопчатобумажные изделия и были давно известны, но чтобы в начале или половине прошлого столетия мы сами занимались бумагопрядением и ткачеством миткаля, это дело совсем невероятное. Первая бумагопрядильная фабрика в России была открыта только в 1798 г. Оссовским; эта фабрика послужила началом для знаменитой Александровской мануфактуры; в Москве же бумагопрядильные завелись еще позже, именно в 1808 г. Откуда же, спрашивается, полтора или двести лет назад ивановцы могли брать для миткалевого производства пряжу?

Естественно, новая отрасль промышленности требовала рабочих рук, и высокая плата за труд, назначенная первыми ивановскими фабрикантами, и простой, совсем уж незамысловатый способ обработки ситцев обаятельно действовали на местных землевла-

дельцев и дривлекали ивановцев к фабричному труду. В самом деле, стоит только заглянуть в набивные лого времени, чтобы убедиться в простоте и необычайной легкости ситцевого производства. В длинном деревянном строении, называемом «работною», или «набойешную», стоят «верстаки», похожие на обыкновенные продолговатые столы; за каждым таким верстаком стоит мужчина и, обмакивая доску, или «манер»¹, в краску, находящуюся тут же и растертую в круглом обреze на сукне, постукивает по белой новине холста или полотна, положенного на верстаке. Рисунок, или манер, который отпечатывается на белом месте, очень прост: он имеет форму лопаты, метлы и тому подобных изображений. Искусник, который производит такие прекрасные узоры, называется набойщиком; он работает в день не больше 8—10 часов и получает за свое искусство плату сдельно, то есть сколько он в день набьет «проходов» («проход» значит раз пройти или набить одной краской штуку миткаля или полотна), и с каждого такого прохода получает, смотря по краске, от 50 к. до 1 руб. ассигнациями; в день он может «набить» 5—7 проходов. В одной и той же мастерской с набойщиками сидят женщины, чаще их жены или другие какие родственницы, и посредством кисточки, сделанной из лубка, брызжут разными красками по набитому уже «манером» полотну или производят, по собственной своей фантазии, всевозможного рода мелкие фигуры; это называется «разноцветкою». Женщины зарабатывают в день от 10 до 30 коп. ассигнациями. Вместе со взрос-

¹ Манером называется вырезанный рисунок на доске, и так же он называется уже отпечатанным на материале

лыми мужчинами и женщинами мы видим и детей, мальчиков, которые размазывают большой кистью в круглом обрезе краску, чтобы она ровнее приставала к манеру, которым набивает набойщик. Мальчики эти называются «штрафовальщиками» и большею частью — дети самих набойщиков; они получают жалованье в год от 20 до 40 рублей ассигнациями. Если мы еще заглянем в отдельную маленькую комнатку, где сам хозяин в глиняных горшках варит краски, то будем иметь совершенно полное и ясное понятие о ситцевой производстве с. Иванова за первый период от 1751 г. и до 1840 г.

Нечего и говорить, что такой способ обработки ситцев был до последней степени прост, выгоды, получаемые фабрикантами от сбыта товара, значительные, и в Иванове фабрики стали увеличиваться в огромной прогрессии. Всякий почти набойщик старался завести собственное свое производство, сделаться самому хозяином. И это достигалось без особенного труда: запасшись красками и холстом, набойщик ставил в своей избе верстак и, перекрестясь, принимался за свое дело. Здесь ситцевое производство являлось еще более в простой форме: вместо манера употреблялся для набивки какой-нибудь обломок доски, вместо обреза с краской служил черепок, а «расцветка», где требовалось от исполнявшего более всего искусства и фантазии, делалась просто рукою: жена или дочь хозяина обмакнет кисть руки в черепок с краскою, ударит пальцами по холсту — и расцветка готова! Развитию такого производства много еще и то способствовало, что не требовалось со стороны мавуфактуристов никаких особенных затрат: холст или

плотной были домашние, краска стоила недорого, а часто и совсем ничего, потому что набойщик, заводя у себя на дому ситцевое производство, в то же время сам оставался на фабрике и делился хозяйской краской с женой, которая с остальными членами семейства непосредственно уже и сама продолжала развивать мануфактурное дело.

Этим мелким производством было положено начало кустарной промышленности, иначе называемой горшечной (от слова горшок, черепок, в котором находились у мелочных фабрикантов краски). Фабрики эти в большом числе являлись обыкновенно зимою, когда все было свободно от полевых работ, и уменьшались с наступлением весны. Таким образом, в течение нескольких десятков лет в Иванове развилась обширная промышленность, главную силу которой составляли горшечники. Этот вид промышленности у нас сохранился наиболее в Московской губернии, Богородского уезда, именно в Гжели и ее окрестностях, где вырабатывается хорошая глиняная посуда. Но и там в настоящее время сила капитала убивает кустарную промышленность. Но, несмотря на это видимое преобладание горшечной силы, не трудно уже было и тогда заметить, что будущее принадлежит не им, горшечникам, а тем избранникам, которые, хотя скромно, но уже выделялись из массы даже и в момент эмбриологического состояния местной промышленности: до 1812 г. особенно резкой грани между теми и другими еще не существовало.

С 1812 г. характер ситценабивной промышленности входит в новую сферу развития. Московский погром и народные бедствия России сразу поднимают иванов-

скую фабрикацию: конкуренция больше не существует, и ивановские фабриканты пользуются случаем наживать громадные деньги, получая чистой прибыли на каждый кусок ситцу, состоящего из 30 аршин, по 20 и 25 руб. Фамилии Гарелиных, Кобылиных, Удиных, Ямоновских и других крупных фабрикантов возносятся над сотнями мелких и приобретают могущественное значение. Вслед за двенадцатым годом происходит важная перемена в ситценабивном деле— перемена, внезапно изменившая естественное развитие местной производительности и раз навсегда давшая не только одному Иванову, но и всем мануфактурным пунктам России совершенно иное искусственное направление. Русские холст и полотно, служившие доселе для набивки ситца, заменились теперь миткалем, который стали работать из привозной английской пряжи. Преимущество миткаля перед холстом и полотном было очевидно он стоил дешевле русских тканей, был тоньше и, что самое главное, мог вырабатываться в том количестве, какое требовалось самым усиленным запросом на ситцы, и тем способствовать увеличению фабричных операций, тогда как полотно и холст, вследствие младенческого состояния земледелия в нашем отечестве, ставили ситцевое производство в известные рамки, и фабриканты не всегда были в состоянии удовлетворять требованию покупателей. Вот почему миткаль так быстро вытеснил русское полотно и поставил в иные условия ситцевую фабрикацию.

На дальнейший ход ситценабивной промышленности в с. Иванове имел громадное влияние торговый дом бр. Киселевых, открывшийся в г. Шуе: эта фирма вошла в непосредственные сношения с лондонскими

конторами, на которых закупала пряжу оптом и в баснословных размерах и продавала ее в Москве, С.-Петербурге и на месте в кредит и на продолжительные сроки. Свободный и широкий кредит торгового дома бр. Киселевых упрочивает положение ивановских фабрикантов и создает новых, так что к тридцатым годам в Иванове насчитывалось до 180 фабрик. Из них, кроме вышеупомянутых, замечательными были Полушина, Зубкова, Самокатова, Бабухина, Шодчина и пр. Берега р. Уводи буквально покрылись фабричными заведениями, как-то: заварками, отбельными и т. п. Первоначальные постройки родоначальников ситцевой промышленности мало-помалу стали заменяться каменными зданиями. Из Иванова ситцевое производство, благодаря тому же торговому дому бр. Киселевых, начинает проникать в окрестные селения, и рождаются новые фабричные местности: г. Шуя, села Кохма, Тейково, Лежнево, Дунилово и Писцово (Нерех. уезда, Костр. губ.). Но скоро александровская мануфактура и за нею бумагопрядильные других русских фабрикантов вступают в соперничество с английскими бумагопрядильщиками. Русская пряжа, вырабатываемая из американского хлопка и привозимого также из Англии, оказывается по своим качествам превосходнее английской и входит во всеобщее употребление на всех русских и ивановских фабриках, в особенности. Торговая фирма бр. Киселевых гибнет. В начале 30-х годов в Иванове основывается купцом Бабуриным первая бумагопрядильная, и местные базары превращаются в бумажный рынок, где сотни мелких лавок и лавочек занимаются продажей бумажной пряжи, куда привозятся и приносятся

еженедельно тысячи кусков миткаля, и торговые обороты ивановских базаров выражаются сотнями тысяч. Высокий тариф на привозные ситцы как нельзя более благоприятствует этой чужеземной промышленности в России вообще и в с. Иванове в частности. В таком состоянии ивановскую производительность застают сороковые года, с которых начинается второй момент в истории развития фабричного труда и с ним ситцевой фабрикации. Братья Киселевы, весьма образованные люди по тому времени, умерли—один, старший, в сороковых годах и младший в пятидесятых: оба в своей больнице, которую они построили на свой счет и которая до сих пор красуется в г. Шуе и содержится на проценты с капитала, положенного умершими. Шуя, помимо того, что ее первостепенные граждане нажили свои капиталы через Киселевых, обязана им хорошей мостовой и многим другим. Но шуйцы хорошо помнят добро Киселевых: посещая Киселевскую больницу в г. Шуе, мы заметили два портрета, писанные масляными красками, из которых один висит в какой-то необитаемой комнате, а другой—в передней. Это—портреты братьев Киселевых, основателей больницы.

По мере того как ситцевое производство росло и развивалось, население Иванова постепенно из своего земледельческого состояния переходило в фабричное. Сперва, как мы видели, ивановцы заводили фабрички, не отрываясь в то же время и от земледелия, но подобное явление было переходным, и оно скоро миновало. Примеры обогащения односельцев, которые еще не так давно, у всех на памяти, были такими же крестьянами-земледельцами, как и все остальные, обя-

тельно действовали на массу, и всех увлекало, манило к фабричному труду. Они бросали землю и шли на фабрики. Некоторые из них, как мы знаем, через несколько времени сами сделались хозяевами, другие находились в качестве работников и лучшего не желали, потому что недостаток в рабочих руках чувствовался постоянно и задельная плата год от года возвышалась. Набойщики получали от 1.000 до 1.500 руб. в год. Если к этому мы прибавим дешевизну предметов жизненных потребностей и даровой лес, то совершенно поймем, почему земледельческий труд потерял всякое значение в глазах ивановцев. Отец поступал на фабрику в набойщики, туда он вел и своего сына, едва последнему исполнится шесть-семь лет; отец живет и умирает набойщиком, его сын точно так же всю жизнь занимается одним и тем же делом и, в свою очередь, приспособляет к набойничеству уже своих чад: так одно поколение сменяется другим, и новое поколение наследует от предыдущего одно и то же занятие. Таким образом, в течение ста лет из прежних земледельцев-ивановцев создается особый фабричный класс, класс набойщиков. С течением времени образовывались и другие занятия, но ивановцы предпочитали набойничество и ко всем новым профессиям относились пренебрежительно, как малоодоходным. Исключение составляли решики и рисовальщики; получавшие также высокую задельную плату, но число их было, сравнительно с набойщиками, весьма ограничено, и занятия их требовали большего времени для изучения, чем работа набойщика. Но как из набойщиков пробивались в хозяева, так и из решиков некоторые делались fabri-

кантами. Для примера укажу на современную, одну из лучших, мануфактуру гг. Зубковых, дед которых, умерший назад лет десять, был сам решиком и только около тридцатых годов завел свою небольшую фабричку. Все эти рабочие-мастера жили артелями, артель рядилась с хозяином, артель получала заработанные деньги, и артель грудью стояла за каждого своего члена—она имела большое значение на фабрике, но каждый работник был сам по себе, жил своею самостоятельной жизнью в родной семье и был полным господином в своем доме.

Женщины и девушки с введением миткалевого ткачества совсем оставили фабрики и работали уже исключительно дома. В каждой избе стояло по стану и по два, целый день весело стучал челнок и девичьи песни не смолкали за краснами до самой полуночи. Одни ткали на хозяев, беря от них на дом бумагу и возвращая миткаль, получали за труд обыкновенно с клуба, который успевали вы ткать в две-три недели, и получали от десяти рублей ассигнациями до золотого, т. е. полуимпериала. Другие сами покупали бумагу и выпканный миткаль выносили продавать на базар, где у них покупали его фабриканты для набивки ситцев. Как тот, так и другой способ вознаграждения за женский труд был одинаково выгоден для жительниц с. Иванова.

Ничего нет удивительного, что перемена труда ивановцев и громкая слава, рано разнесшаяся о с. Иванове, как о каком-то золотом дне, очень скоро обратили на себя любопытный взор помещика, гр. Шереметева. Результатом такого внимания было возвышение оброка до 70 руб. с тягла и обложение натураль-

ною повинностью ивановских женщин. За податную единицу брался возраст: от 18 до 20 лет девушки и женщины обязаны были в пользу своего помещика ежегодно вносить по 3 фун. пряжи; от 20 до 25 лет— по 8 фун. и от 25 до 30 лет—10 фун. Этот новый, до сих пор еще никогда не существовавший бабий оброк гр. Шереметевым впервые начал собираться с 1768 г. Но гораздо важнее по своему значению и последствиям была первая часть господской внимательности: увеличение мужицкого оброка. Заплатить ивановском крестьянину того времени 70 руб. не составляло бы еще особенной тягости, но дело в том, что один крестьянин платил оброк с двух, трех и даже пяти тягол, а фабриканты несли и все десять и больше. Но ивановцы, при своих хороших заработках, выносили безропотно это господское внимание и за свой фабричный труд выплачивали каждый год контрибуцию.

В тридцатых годах в Иванове появились кабаки, но их посетителями преимущественно были чернорабочие, «натеки» и «жуки», как сами ивановцы называли всех, кто не был ивановцем и приходил к ним на житье со стороны. Только около начала сороковых годов, когда за недостатком рабочих рук ивановские фабриканты «выписали» набойщиков из Москвы, «московских», да стал наплывать народ с других сторон, хождение по кабакам начинает входить понемногу во вкус и ивановцев, но об этом будет сказано дальше, когда мы перейдем ко второму моменту развития фабричного труда. Нравы того времени, с половины XVIII века и до начала сороковых годов XIX, представляли небольшое отклонение от своей первобытной

чистоты и безыскусственности. Ивановцы не терпели лжи, обмана и только изредка позволяли себе пользоваться хозяйскими красками для домашнего обихода, а их жены и дочери отличались необыкновенной нравственной и физической чистотою: никто не знал случая, чтобы девушка выходила замуж уже лишенною невинности, и не было примера, где бы жена нарушила обет «супружеской верности». «Жили все попросту, без всяких новейших затей, да больно уж жили-то тогда мы хорошо,—рассказывал нам один семидесятилетний старик,—без всякого лукавства, по всей чистой правде все у нас было, ну и бог не забывал нас. Помянешь прошлое-то времечко, экая жизнь тогда была, господи!»

Это одна сторона тогдашней жизни, а вот—другая. Рядом с этой хорошей и довольной жизнью и об руку с развитием местной индустрии выступило нечто до того странное и никак уже не гармонизировавшее с тем, о чем мы сейчас говорили и что иначе нельзя назвать, как протестом против нового направления жизни: почти с самого возникновения фабричного производства в с. Иванове начинаются разбои, воровство, поджоги. От них страдают крестьяне, гибнут целые сотни домов и различных построек, разрушается в конец то, что было создано трудом и усилиями рабочей массы. Один из историографов с. Иванова, г. Полушин, в своей статье «О ситцевом производстве в с. Иванове», помещенной в «Вестнике промышленности» за 1860 г., объясняет данное явление «грубою мезьей» со стороны недовольных. Приведем его слова. Говоря о том, что выгодные заработки привлекали в с. Иваново «соседний народ» и что оно было рассадником промышлен-

ности во Владимирской губернии, г. Полушин продолжает: «Но вместе с дружным участием к делу явились люди, не имеющие никаких средств и способностей к какому бы то ни было роду деятельности, и составили партию недовольных обогащением своих земляков. Пожары, бывшие в 1775 и 1781 гг., служили грубой местью недовольных своим положением крестьян с. Иванова. Зависть, недоброжелательство шли под руку с негодаями, и скоро убийства и грабежи появились в Иванове». Так смотрит на факты г. Полушин, сам фабрикант и купец ивановский. Что грабежи, пожары и убийства были прямым следствием народного неудовольствия, в этом нет никакого сомнения, но почему и откуда явился столь грозный протест, когда, по словам самого же автора-мануфактуриста, местная фабрикация процветала, и, как мы выше сами видели, ивановцы-набойщики с переходом из земледельческого класса в фабричный стали не в худшее, а лучшее материальное положение,—на это г. Полушин не отвечает. Сказать, что образовалась партия недовольных и затем свалить всю вину на «негодяев»—значит отделаться только от объяснения факта общим местом и ровно ничего не сказать в защиту своего взгляда.

Народная месть росла. Виновники, или, по выражению г. Полушина, негодья, уличенные в поджогах и разбоях, наказываются публично кнутом с вырыванием ноздрей, клеймением чел и ланит и ссылаются в каторжную работу. Личности сомнительного поведения по воле помещика ссылаются на поселение в Сибирь. В 1817 г., по инициативе Гофмана, управляющего гр. Шереметева, в с. Иванове вводится полиция, штат

которой состоял из одного полицмейстера, двух частных и восьми квартальных. Содержание нового института общественной безопасности ложится на одних крестьян. Но «грубая месть» с введением правильно организованной полиции не только не прекратилась, но еще более увеличилась и наводила всеобщий страх. «Общественное спокойствие было нарушено,—рассказывает г. Полушин,—недовольные разными улучшениями (!) крестьяне, кроме того, что произвели грабежи и убийства в самом Иванове, разбежались и по окольным дорогам села, так что проезд в Иваново составлял довольно опасное предприятие. Разбои с 1817 г. по 1823 г. принимали большие размеры, и в 1823 г. была обокрадена церковь Покрова пресвятой богородицы, сняты были богатые украшения и ризы с двух икон—Казанской и Смоленской богоматери, церковная касса была разломана, и потеря храма простиралась до 50.000 руб.». Полицию нашли за благо уничтожить. Около этого времени в Иванове развивается сильный раскол, который сюда был занесен с давних пор; многие из жителей отпадают от православной церкви, образуя различного рода секты, некоторые из раскольничьих сект отрицали Иисуса Христа. Так, один ивановский крестьянин, Иван Иванов Нечупаев, публично издевался над крестом, топтал его ногами и плевал на святое изображение. «Все-народно» он был за это наказан тридцатью тремя ударами кнута и сослан в каторжную работу. Насколько раскол в Иванове имел серьезное значение, можно видеть уже из того, что для сектантов были отделены особые кладбища и построена единоверческая церковь, известная под названием Новоблагословенной.

Наступил второй момент в развитии фабричного труда. Еще в 1828 г. на фабрике одного приезжего купца Спиридонова была поставлена печатная машина, но до сороковых годов никто из прочих фабрикантов не последовал за Спиридоновым, находя за более удобное для себя отдавать последнему миткаль «под пропуск» в машине. Он работал исключительно «чужбину» и благодаря отсутствию конкуренции брал с ивановских фабрикантов по 7 руб. с куса за этот «пропуск» в машине. Насколько всякая мысль о каких-либо улучшениях в ситценабивном деле была далека от ивановских фабрикантов, весьма наглядно доказывает настоящий факт. Двенадцать лет они возили под пропуск Спиридонову миткаль, видели все преимущества машинного печатания перед ручной набивкою, и все-таки никто не хотел поставить у себя на своей фабрике такую же «машинку». Только через двенадцать лет, заметив, что Спиридонов, этот «натека» и пришлец, от своей машины нажил и большие каменные дома, и деньги, фабриканты-аборигены смекнули, что, мол, не мешает и нам завестись этими машинками. С 1839 г. фабриканты начинают выписывать печатные машины, и затем со следующего года и вплоть до наших дней идет целый ряд нововведений: ставятся печатные машины, паровые, галландры, перротипы и т. п. Первая паровая машина является на фабрике П. М. Гарелина, отца нынешнего фабриканта. Раньше Гарелина была поставлена паровая машина на бумагопрядильной Бабурина, но она почему-то не приводилась в действие. За П. М. Гарелиным ставят паровые машины Н. М. Гарелин, П. А. Зубков, А. Ф. Полушин и др. ивановские фабриканты. Введение печатных машин и

замена сил человеческой и лошадиной силой пара производят революцию в местной производительности: фабрики принимают другой, более европейский вид, и создается множество новых видов фабричного труда; горшечники один за другим начинают исчезать, и труд набойщиков и рещиков упадет. Развивается в самых широких размерах ткачество. В конце 40-х гг. открывается огромная бумагопрядильная мануфактура Н. М. Гарелина, вслед за которою возникают другие в г. Шуге и с. Тейкове. Крымская война дает новый случай к обогащению фабрикантов, а последовавший вскоре пересмотр и изменение тарифа заставляют фабрикантов подумать об улучшении своих изделий. Я. П. Гарелик ставит механическую ткацкую в 180 станков, потом фирма Никона Гарелина-сыновей заводит механическую ткацкую; наконец, механические ткацкие распространяются по уезду и продолжают вводиться до сего дня. Теперь конец существованию мелкого производства, пробил последний час горшечников, теперь наступило абсолютное царство богатырей-фабрикантов и сила капитала, создав гигантские здания с машинами, пригнула и задавила все мелкое производство.

Страшным событием ознаменовалось это вступление в новый период. 1839 г., мая 13-го, произошел еще никогда не бывалый по своим последствиям и размерам пожар. Иваново, за исключением небольшого числа домов и фабричных зданий, сделалось жертвою пламени, и сгорели все лучшие и главные фабрики. Убыток, понесенный жителями от пожара, превышал цифру 3.000.000 руб. Чувствительны были потери для пострадавших фабрикантов, но они оказались ничем в сравнении с тем бедственным положением, в каком очу-

тилась масса работников-набойщиков. Фабриканты немедленно принялись за возведение новых зданий, и фабричные операции снова пошли, но ивановцы-работчие, лишившись крова, имущества и на довольно продолжительное время всяких заработков, превратились в нищих. Не легко им было поправиться, а тут, не успели еще они обстроиться и зажить как следует, стали появляться на фабриках печатные машины, которые заставили фабрикантов понизить задельную плату набойщика. Но они на это несчастье смотрели как на временное и крепко были убеждены в том, что придет другая, лучшая пора, когда вернутся к ним их прежние хорошие заработки, и что их труд до окончания мира не потеряет своей ценности. Печатные машины росли, как грибы, и заработная плата все понижалась, а набойщики и не думали изменить своей профессии, и число их увеличивалось. А между тем вместе с различными нововведениями и усовершенствованиями в фабричном производстве открывались новые занятия, на которые поступали «натеки», люди все пришлые, бог весть откуда взявшиеся и целыми толпами валившие в Иваново. Все прибыльные мастерства и должности, как-то: граверов, накатчиков, раклистов и т. п., занимали эти пришлые люди. Заработки набойщиков в 40-х гг. не простирались выше 600 руб., спустя десять лет они понизились до 400 руб., а в начале 60-х гг. средний заработок набойщика был уже только 300 руб. Но и тут ивановцы продолжали упорно держаться своего отцами заповеданного труда и не меняли его на другой, новый и более оплачиваемый, да и не легко человеку, достигшему 30-40 лет, начинать чему-либо снова учиться.

Печатные и паровые машины удесятирили выработку ситцев. Вследствие этого ручное ткачество миткаля приняло колоссальные размеры; оно потребовало десятков тысяч рабочих рук, и фабриканты стали раздавать пряжу по окрестным селениям, где, начиная с осени и до пасхи, ткали не одни женщины и девушки, как то мы видели в Иванове, но и мужчины. По деревням и селам скоро образовались так называемые комиссионеры, которые брали от фабриканта пряжу, условливались с ним в цене за работу и уже от себя раздавали ее деревенским ткачам. Не одни кулаки, разжиревшие мужики и прохвосты-мещане взялись за дело эксплуатации, за него с радостью ухватились и господа дворяне, ближайšie к Иванову помещики: они, пользуясь крепостным состоянием, отдавали пряжу ткать своим крестьянам, получая от фабрикантов с клуба 4-5 руб., а сами, платя всего только по полтиннику и много по рублю. Но с тех пор, как завелись механические ткацкие, и эта отрасль труда погибает, хотя еще в настоящее время какой-нибудь сотый процент и достается на долю ручного ткачества, но близок час, когда и этого не будет, и механические ткацкие в конец убьют ручной труд. Он держится пока еще кое-где по деревням, давая рабочему за клуб, вместо прежних 6 и 5 руб, только рубль и много полтора. Но в самом Иванове, где ручное ткачество составляло домашний женский труд, оно окончательно исчезло: женщины и девушки оставляют теперь свои дома и идут на фабрики бумагопрядильные, ткацкие и пр.

Остановимся на нравственном состоянии рабочего за этот период. В конце 30-х гг. на ивановские фабрики.

являются работники-набойщики из Москвы, народ уже крайне распушенный и «вольный», как говорят ивановцы, они вносят с собою первый элемент разложения в туземные нравы. Начинается сперва веселое и само по себе невинное разгульное житье, заявляющее себя в праздники, лотом, с постоянно возрастающим наплывом новых рабочих и понижением заработков, развивается уже пьянство в массе ивановских рабочих. Сосредоточение громадных капиталов в руках отдельных личностей, в связи с одновременно идущим понижением уровня зажиточности в среде большинства рабочего населения с. Иванова, оказывает несравненно большее, чем столкновение ивановцев с пришлецами, влияние на деморализацию рабочего класса. Старики-фабриканты, которые хорошо помнили свое родство с рабочими и знали, что только их труду они обязаны своим богатством и славою, сошли со сцены, их место заняли молодые, воспитавшиеся в богатстве, неге и холе, на руках нянюшек и мамушек, которые в младенчестве натолковали им, что они богаты, умны, знатны и что все другие—бедняки, «низкие» люди, которые живут в услужении у их папенек, и папеньки по доброте своей великой дают им пропитание. Всякое нравственное звено, связывавшее отцов-фабрикантов с их рабочими, перестало существовать, было порвано; теперь фабриканты получают в глазах рабочих какое-то священное значение, никакой общности в интересах не существует. Есть только два, резко один от другого отделенные класса: наверху пьедестала стоит горсть фабрикантов, этих новых божеств, а внизу его лежат расprostертыми десятки тысяч новых париев. Как глубоко внедрилась деморализация

может служить доказательством бесчисленное множество фактов, выражающих отношения хозяев к рабочим. Все работники—мужчины, женщины и дети—при выходе с фабрики, подвергаются обыску. Их заставляют раздеваться и осматривают сверху донизу, шарят всюду, куда только может проникнуть рука обыскивающего. У одних фабрикантов это делается при самом выходе из здания, у других—в воротах, у третьих—езде: при выходе из здания, на дворе и у ворот. Мало того, сравнительно еще в недавнее время на некоторых фабриках существовали ременные петли, которыми при всяком удобном случае хозяин и приказчик полосовали рабочих—мужчин, женщин и детей. На одного из таких, самых крупных фабрикантов с. Иванова, рабочие, в числе 600 человек, жаловались местному становому; последний явился на фабрику, произвел следствие и нашел плети. Но фабрикант вышел из этого чистым, а становой был удален с должности. Этот факт относится к 50-м гг.

Мы теперь у порога настоящего. Еще один шаг—и мы очутимся лицом к лицу с современным положением рабочих. Местные нравы все больше распускаются, бедность увеличивается и стоит грозным пугалом в глазах ивановских рабочих. Ивановцы-набойщики увидели наконец свое безвыходное положение, стали было возвращаться к земле, к труду своих предков, но фабриканты постарались село преобразить в город, и возврат к прошлому сделался невозможен. Крестьяне-ивановцы принялись за продажу своих домов и усадеб; из рабочих-собственников мало-помалу стал образовываться класс бездомных

нищих, которые покидают свою родину и расходятся по разным местам России, чтобы там, вдали, где-нибудь найти себе хлеб, так как на своей родине им ничего не осталось делать.

К таким результатам пришло местное население с. Иванова через полтора-два года ситцевой промышленности. Теперь мы уже ступили на черту, с которой открывается перед нами настоящее рабочего населения в русском Манчестере.

III

Наше знакомство с современным положением рабочего класса начнем с обозрения фабричных зданий, в которых дни и ночи проводят люди за самой разнообразной работой. Первое место здесь дадим бумагопрядильной, принадлежащей фирме Никона Гарелина сыновей. Под горою, почти у самой реки Уводи, возвышается каменный пятиэтажный корпус со множеством окон; это—бумагопрядильная. Глухой шум, который еще издали слышится по мере нашего приближения, становится все явственнее и сильнее; чувство не то страха, не то удивления овладевает нами, когда мы подходим к самому зданию и совершенно инстинктивно останавливаемся, не зная, войти нам, или назад вернуться. Мы улыбнулись нашей мгновенной слабости, быстро отворили наружную дверь—и наше обоняние поражено страшным зловонием: слева, прямо против другой, входной двери и в нескольких шагах от последней находятся ретирады. Первым нашим движением—зажать обеими руками нос и скорее проскользнуть в следующую дверь. Мы внутри помещения и на минуту теряем

всякое сознание; оглушительный шум, стук механизмов и непроглядная пыль сразу овладели всем нашим существом и приковали к месту. Но вот мы справились с собою и начинаем всматриваться в окружающие предметы. Сперва, из-за давящего нас тумана пыли, выделились разных форм и очертаний машины, потом замелькали стучащие колеса, показались медленно ползущие шестерни и, наконец, когда глаз привыкает, замечаем какие-то странные фигуры, похожие на чучела или огородные пугала: то рабочие люди, мужчины и женщины, работающие на чесальных аппаратах, ленточных и банкаброшах. Эти люди с головы до ног покрыты таким толстым слоем пыли, что нет возможности отличить их лица от платья. Большинство рабочих—женщины и девушки, мужчин не больше шести-семи человек. Видим еще детей, мальчиков и девочек, которые подметают около машин и, частью ползая, вытирают рваной пряжей грязь с шестерен, колес и т. п. Все—как взрослые, так и дети, работают стоя в продолжении двенадцати часов в сутки сменные и четырнадцати—дневные и ни на минуту не присядут под опасением штрафа; работают они без обуви, разувшись, и голыми ногами ходят по каменному полу, а мужчины даже без нижнего белья; душно, воздух пропитан запахом масла, кругом пыль и температура 18° по Р. Мы отворяем дверь направо и слышим уже не шум и несмолкаемый стук, а какой-то ужасающий рев: здесь трепальные машины. Та же пыль и тот же маслянистый запах в воздухе. Рабочие ходят, переменяют места, как все люди, но в то же время почему-то сдается, что перед вами не живые люди, а двигаю-

щиеся манекены: так они похожи на те механизмы, которые их со всех сторон окружают и теснят. И это впечатление еще более усиливается тем, что ни одного звука человеческой речи никогда тут не услышишь!..

Поднимаемся на третий этаж.

При входе на третий этаж наше обоняние снова терпит, но мы уже немного привыкли и почти равнодушно минуем это место злачное. В новом помещении нет трепальных, но остальные аппараты одни и те же, что и в предыдущем, и в особом отделений стоят мюльные самодействующие машины (прядильные). И здесь преобладающий элемент рабочей силы—женщины и девушки и только на одних мюлях—прядильщики-мужчины. Опять та же пыль и тот же воздух! В отделении мюлей пыли меньше, но запах масла разносится повсюду и дает себя чувствовать. При взгляде на мюльные (прядильные) машины, поставленные одна за другой по одной прямой линии, и между ними, в промежутках, стоящих прядильщиков,—в голове тотчас рождается вопрос: как гут могут работать люди, не рискуя при малейшей оплошности ежеминутно быть подмятыми под колеса и раздавленными бегающими каретками?

— И вы тут не боитесь?—спрашиваю я прядильщика,—здесь есть хоть какая-нибудь возможность расслышать человеческую речь?

— Привычно,—отвечает лениво прядильщик, человек с бледным, и худым лицом, усталым взором и машинообразными движениями. Прядильщики, особенно сменные, все таковы.

— А бывают когда несчастные случаи?

— Как не бывать... Только у нас-то на мюлях редко, потому народ все опытный, а вот там,—лениво кивнул он головою по направлению к банкаброшам и другим аппаратам,—случаются, бывают несчастья... Особенно в трепальной,—там и часто рвет руки, а то когда и всего человека эдак порешит: чуть мало не углядел, оплошку сделал, захватило пряжкой рубаху, аль портку и притянуло ремнем к самому потолку—взглянешь, ан человек уже там без головы, либо одни только куски от него остались. Случается. Все бывает.

И хоть бы одна какая нота дрогнула в голосе! Совершенно ровно, безучастно рассказывает прядильщик о гибели людей!

Мы спешим подняться на четвертый этаж. Но здесь нового уже ничего не встречаем. Только на пятом кроме людей находим машины шлихтовальные, сновальные, гидравлический пресс и проч. Работа везде производится в стоячем положении, а в сновальной преимущественно работают одни мальчики.

Теперь нам остается еще рассмотреть эти помещения по отношению к кубическому содержанию воздуха, в них заключающеюся. Нижний этаж бумаго—прядильной необитаема в нем лежат сваленные разные чугунные и железные вещи. Мастерские, как мы видели, начинаются со второго и идут включительно до пятого. Второй этаж разделяется на три отделения: в одном—разбирают хлопок, в другом, совершенно изолированном от первого посредством капитальной стены, поставлены трепальные машины, а в третьем—находятся аппараты ленточные, чесальные и банкаброши. Первое отделение стоит в исключительном положении и потому о нем говорить нам не

придется. Начнем со второго: вышина помещения 6 аршин, ширина 15 и длина 18. В нем находятся 5 больших трепальных машин для очищения хлопка от зерен, песку и проч ; при этих машинах постоянно, в две смены, день и ночь, работают 10 чел. и еще 33 чел., исполняющие другие работы; из последних 33-х—18 женщин. По требованию гигиены для каждого человека в продолжение одного часа необходимо иметь 6 куб. метров, или около 200 куб. футов чистого воздуха. Какое же содержание воздуха на человека приходится в отделении трепальных машин? Зная меру площади основания (15+18 арш.) и высоту (6 арш.) данного помещения, мы будем иметь всего 20.580 куб. футов воздуха. Разделив эту цифру на число всех рабочих (53 чел.), в частном получим 388 куб. фут. Но эта цифра—идеальная, действительностью не оправдываемая. Полученное содержание воздуха (388 куб. футов) возможно только в первый момент прихода рабочих в трепальную, а затем, с момента начатия работы и до момента окончания, т. е. по истечении шести суток, воздух уже почти совсем не возобновляется, так как вентиляции нет, кроме двери, по временам отворяющейся в соседнее отделение, и одной трубы, предназначенной для вытягивания пыли и не достигающей своей цели. Правда, летнею порою иногда отворяются форточки в окнах, но зимою этого не допускается, и воздух целую неделю остается спертым и пропитанным углекислотою, аммиаком и прочими негодными для дыхания газами. Спрашивается: сколько кубических футов чистого воздуха приходится на каждого человека спустя сутки и чем дышит работник, являющийся в тре-

пальную в конце шестых суток? Теперь исключите из данного пространства объем машин, занимающих собою больше половины всего помещения, и прибавьте к сказанному вечную пыль, запах масла—и всякое понятие о воздухе исчезнет!

Третье отделение второго этажа имеет в длину 63 арш., в ширину 15 и высоту 6 арш. В этом отделении поставлены следующие машины: 25 банкаброшей, 4 ленточных аппарата и 39 чесальных. Эти 68 машин занимают почти всю площадь основания и стоят рядами, между которыми идут небольшие проходы; вышина каждого аппарата не менее 3 арш. Здесь работают в две смены 170 чел.—большинство женщины и дети, как уже нам известно. Настоящее помещение содержит в себе 72.030 куб. футов, что на одного работника даст $423\frac{1}{2}$ куб. футов. Но из пространства 72.030 мы должны исключить машины, которых объем будет равняться 23.324 куб. футам, полагая объем каждого аппарата в 343 куб. фута; за этим исключением мы получим уже только 48:706 куб. футов, или около 287 куб. футов воздуха на каждую рабочую душу. Но даже и такое содержание воздуха идеально, ибо все эти банкаброши—ленточные и чесальные—стучат и в своем несмолкаемом шуме и гаме не останавливаются ни на минуту в продолжение целой недели, или 144 час, приковывая к себе рабочих, детей и взрослых. И здесь форточки открываются летом, но во все другие времена года закрыты; другой вентиляции нет, отсюда и вытяжной трубы для пыли не проведено, а входная дверь, как единственное вентилирующее средство, когда отворяется, то через нее обильной струей вливается воз-

дух из ретирады, так что торопятся поскорее затворить ее.

В помещениях остальных трех этажей, исключая пятого, одни и те же условия по отношению к кубическому содержанию воздуха, т. е. везде работник на бумагопрядильной глотает пыль, дышит углекислотою, аммиаком и пр. В помещениях пятого этажа, благодаря другим аппаратам, воздух—если только на бумагопрядильных есть какой-нибудь воздух—для дыхания более сносен, хотя в час времени рабочий вряд ли имеет его 25-30 куб. футов.

Освещаются все помещения зиму и летом газом, который здесь добывается из бересты и дров.

В с. Иваново бумагопрядильная одна, но в уезде их несколько. Нисколько не преувеличивая, скажу, что все они и везде похожи одна на другую: я посещал бумагопрядильные в г. Шуе, в селах под Москвою, в Рязанской губернии и должен сознаться, что помещение бумагопрядильной гг. Гарелиных содержится в более лучшем и совершенном виде, чем у других фабрикантов.

От бумагопрядильной, где выделяется, как мы видели, посредством различных машин из хлопка пряжа, самый естественный переход к ткацким, в которых из выпряденной бумаги посредством новых машин производится уже миткаль.

При входе в механические ткацкие мы снова оглушены, но на этот раз каким-то особым шумом, но это уже не стук и рев, какой мы слышали в бумагопрядильной, а невообразимый треск, смешанный с звонким щелканьем челноков. Ткацкие станки в, несколько рядов идут во всю длину помещения; взрослые и мало-

летние, мужчины и женщины стоят в наклоненном положении за этими станками, присучивая оборвавшуюся нитку, натягивая митраль и т. п. Хотя туман пыли здесь и реже, чем в трепальной, но маслянистый запах, разносящийся по всем направлениям, оди-—ков и сильно действует на непривычное обоняние. Работник и здесь также подвергается опасности быть искалеченным, но не так часто, как в бумагопрядильной, и притом не в такой степени, как на последней.

Механическая ткацкая Никона Гарелина сыновей занимает один четырехэтажный каменный корпус, соединенный крытой галереей с корпусом бумагопрядильной. Стены в каждом этаже выбелены, потолок обит листовым железом. Большие окна вышиной в 4 арш. и шир. в $2\frac{1}{2}$, расположены по обе стороны, делают помещение достаточно светлым, особенно в верхних этажах. Как длина и ширина, так и высота везде одинакова, именно каждый этаж занимает в длину 45 арш., в ширину 30 и в высоту 8. В нижнем—помещается контора, а во всех остальных—ткацкие станки. Размещены они так: во втором и третьем этажах поставлено по 162 станка, а в четвертом всего 63. Двумя станками управляет один ткач или ткачиха; только в четвертом этаже один ткач работает на одном станке.

Работа в ткацкой производится так же, как и в бумагопрядильной—посменно, т. е. безостановочно день и ночь в продолжение целой недели и приостанавливается накануне праздника или воскресенья с шести часов вечера. Подробнее о рабочих часах, равно как и занятиях малолетних, сказано будет дальше. В две смены работают 540 чел. и в одну—270; из этого

числа на долю четвертого этажа приходится 80, а на остальные два—190 чел. Помещение каждого этажа содержит в себе 139.650 куб. футов воздуха. Но если мы вычтем цифру, составляющую кубический объем станков 17.010 куб футов (1 станок= 105x162 куб. футов), то останется свободного воздуха 122.640 куб. футов, С этой цифрой нам приходится иметь дело. Всех рабочих в одном этаже 95 чел. Следовательно, на каждого работника в минуту его прихода на фабрику дается воздуха 1.296 куб. футов. Но, само собою разумеется, воздух этот сейчас будет поглощен и самая цифра сократится до минимума. Мы видим, что летом, благодаря иногда открывающимся форточкам, испорченный воздух здесь возобновляется притоком свежего, хотя далеко не в такой степени, в какой требуется гигиеною. Но во всяком случае дышать еще можно и работать сносно. Зато мы знаем, что зимой и осенью, даже и в начале весны, ни откуда уже нет больше притока нового воздуха, так как форточки плотно закрыты, а другой вентиляции не устроено и не полагается. Таким образом, мы узнаем, что работник первой смены, являясь на фабрику во второй раз, получает уже только 108 куб. футов воздуха, а работник второй смены—72 куб. футов, и, наконец, обе смены, в последние сутки рабочей недели имеют в своем распоряжении воздуха от 10 до 8 куб. футов на человека. И, заметим, какого воздуха 8 футов!..

Взглянем на механическую ткацкую Я. П. Гарелина. Помещается она в каменном одноэтажном здании, занимающем в длину 89 арш., ширину 27 и вышины $7\frac{1}{2}$ арш. Это здание разделяется на две части: собствен-

но миткалево-ткацкую и шлихтовальную, отделенную от первой капитальной стеной и имеющую с ней сообщение посредством двери. В обоих отделениях потолок обит железом и кирпичные стены выбелены. Во всю длину первого отделения, именно на протяжении 77 арш., расположены в четыре ряда ткацкие станки, всех станков 161. При них работает 90 чел. взрослых и малолетних, а именно: ткачей-мужчин 35 чел., женщин-ткачих—35. Относительно времени работы миткалево-ткацкое заведение Я. П. Гарелина отличается от заведения Ник. Гарелина сыновей: работа происходит только во время дня, на ночь останавливается и во время обеда прерывается на два часа. В ткацком отделении, если мы исключим станки, окажется всего воздуха 174 904 куб. футов, т.е. по 1.943 на каждого ткача. В продолжение первой рабочей половины дня, от 4 час. утра и до 11—до обеда. Это количество воздуха при отсутствии вентиляции должно уменьшиться до 943 куб. футов, а затем, по возобновлении работы после обеда:, с часу и до восьми, и это количество должно постепенно уменьшаться, так что к концу дневной работы ткач имеет воздуха от 34 до 35 куб. футов. При всем этом опять-таки не нужно упускать из виду пыль и маслянистый запах, бесцеремонно лезущие в нос и рот ткачей. В ткацкой Я. П. Гарелина вентилирующим средством служит одна наружная дверь, выходящая на фабричный двор и отворяющаяся летом, но во все остальные времена года она затворена, и воздух сперт. Но мы должны признать, что здесь положение рабочего по отношению к количеству вдыхаемого им воздуха несколько лучше, чем положение тех рабочих, которые работают до-

сменно день и ночь, как то мы видели на ткацкой Н. Гарелина сыновей. Да и не в этом одном положение дневного рабочего лучше, чем сменного, а и в другом отношении, также тесно связанном с здоровьем и сбережением сил работника.

Второе отделение занято шлихтовальной, где клеят и снуют бумажную пряжу. В этом отделении поставлены 3 шлихтовальных и 2 сновальных машины, несколько матовис и берд. Женщины, преимущественно девушки, разматывают пряжу, продевают вместе с мужчинами и мальчиками нитки сквозь берда, а мужчины заняты проклейкою и снованием пряжи. В шлихтовальной совсем нет вентиляции, если не считать дверь, ведущую в отделение ткацкой. Все помещение в длину имеет 11 арш., в ширину 27 и в высоту $7\frac{1}{2}$ аршин. Число работающих—30 чел. Количество воздуха в начале работы на каждого человека по 915 и в конце работы около 18 куб. футов. В шлихтовальной не существует запаха масла, по крайней мере его не слышно; зато благодаря проклейке сильно разит кислым тяжелым запахом, так что с непривычки, после какой-нибудь четверти часа пребывания, кружится голова и чувствуется легкая тошнота.

Зимой и осенью, когда утро и вечер нельзя работать без огня, весь корпус освещается газом, который добывается—единственный пока пример в Иванове—из нефтяных источников.

Что касается до ретирадных мест, то при ткацкой Я. П. Гарелина хотя и полагается в трех саженьях от самого корпуса, у забора, целая досчатая, драпированная старыми рогожами, будка, но, на самом деле она есть не что иное как только призрак, и в действи-

тельности всякий рабочий «ходит по своим надобностям» туда, куда случится и куда больше всего в данную минуту удобно. Вследствие такого повсеместного хождения «по своим надобностям» около здания ткацкой для постороннего человека пройти делается великим подвигом.

Обе ткацкие приводятся в движение даровыми машинами.

Мы познакомились с двумя механическими ткацкими: на одной из них работают посменно—день и ночь, на другой—только в течение дня. По этим двум фабрикам мы можем себе составить точное и верное понятие о помещениях всех других механических ткацких, процветающих как в селе Иванове, так и в его окрестностях, уездах Шуйском и проч. Обстановка и условия везде одинаковы, и если встречается где такая разница, то разве в ничтожных мелочах, несколько не изменяющих самого дела. Бумагопрядильная prepares пряжу, из которой ткацкие вырабатывают миткаль; последняя отправляется на ситценабивные фабрики, где, пройдя целый ряд метаморфоз, получается уже, наконец, тот знаменитый ивановский ситец, который развозится во все концы нашей широкой Руси и в благословенную Азию. С этими-то фабриками теперь и познакомим читателя.

Ситценабивные, или иначе печатные фабрики, которыми переполнено Иваново и весь округ, мы разделим на три категории: к первой отнесем большие мануфактуры, производящие ежегодно на сотни тысяч и миллионы, ко второй—так называемые средние, годовые обороты которых дальше сотен тысяч не простираются, и к третьей—мелкие, сбывающие в

год ситец на тысячи и много—десятков тысяч. Последние представляют в настоящее время вид вымирающей промышленности и число их весьма ограничено. Это, если можно так выразиться, последние из могижан-горшечников. Само собой разумеется, что наше внимание преимущественно остановится на первых двух и главным образом на помещениях больших мануфактур, по своему устройству и технической части приближающихся к подобного же рода европейским фабрикам; о мелких скажем только то, что необходимо для сопоставления фактов и уяснения условий обстановки рабочих при ситценабивных фабриках.

Возьмем самую усовершенствованную из крупных мануфактур, где все на заграничный лад и где встречаем новейшие применения техники. Это ситцевая фабрика мануфактур советника Я. П. Гарелина.

Мы—в отбельной, куда поступает суровый миткаль прямо с ткацкой для очистки. Помещение высокое, просторное, хотя и недостаточно светлое; здесь все производится посредством механизмов, приводимых в движение паровым двигателем, миткаль варится, спиртуется, отбеливается, промывается и проч. Воздух тут постоянно влажный, с запахом поташа и извести, везде сырость, и ноги рабочих не выходят из воды: она бьет сверху, прыщет с разных сторон и обильными потоками разливается по деревянному полу. Как мужчины, так и женщины, взрослые и малолетние, работают стоя и босиком, а некоторые, в видах экономии, даже и без рубашек, кроме женщин.

— Одежи не напасешься,—объясняют рабочие,—и измочишься-то весь, и прет на тебе все, и расползается во все стороны... Бе-еда!..

В этом помещении находится несколько отделений: собственно отделочная, в тесном смысле этого слова, мытельная, спиртовальная и т. п. Вода и влажный воздух—отличительное явление и составляют общую принадлежность всех отделений; в одних для нагревания воздуха проведены паровые трубы, в других на зиму ставятся железные печи, которые топят дровами. Но как тот, так и другой способ отопления не достигают своей цели, с одной стороны, рабочие подвергаются сильному жару, особенно там, где железные печи, с другой—излишней влажности, так что пары сгущаются и ходят облаками. В одном и том же помещении, почти] в одно и то же время, рабочий испытывает на себе действие различных атмосфер, стоя, например, у мыльных барабанов. Лицо и вся его передняя часть подвергаются влиянию холодной, не более 4-5° по Р. воды и сырости, а затылок и задняя часть остаются в температуре 18-20° Р.; только одни ноги не знают этого различия, так как вечно стоят на мокром и холодном полу и никогда не могут отогреться.. Некоторые из рабочих зимою одеваются в полушубки и носят кожаные сапоги, но подобный комфорт при роде их занятий крайне разорителен; за зиму придется переменить две-три пары сапог и дотла износить всю дубленку. Во избежание лишнего расхода большинство рабочих отказывают себе в этой роскоши и зимою одеваются так же, как и летом.

Из отбельной сырой миткаль поступает для просушки на так называемые сушильные барабаны. Чтобы миткаль высыхал быстро, его подвергают действию нагретых паром больших цилиндров, вследствие чего температура в помещении сушильных ба-

рабанов стоит выше 40° по Р. Нам с непривычки положительно нет никакой возможности пяти минут пробыть в такой духоте, а между тем за этим усовершенствованным европейским аппаратом, просушивающим в день тысячи кусков, с утра и до вечера ежедневно проводят время такие же люди, да еще кто?—мальчики! Сидят они совершенно без всего, в чем только мать родила, за этими чудовищными «барабанами» и расправляют своими детскими ручейками складки миткаля; их преждевременно впалые щеки лишены всякого признака румянца, свойственного юному возрасту, глаза без выражения, потухшие, а с бледно-матового лба ни на секунду не сходит пот. Вблизи этих почти младенцев-работников находится ушат с водою, и они беспрестанно пьют целыми ковшами, стараясь утолить хотя на одну минуту вечно томящую их жажду. В продолжение рабочего дня, зиму и лето, одна оконная рама стоит выставленною, и через эту отдушину врывается струя холодного воздуха.

В соседнем отделении температура более сносна, деятельность разнообразна: одни клеят миткаль, другие накатывают, третьи перебирают и т. д. Тут же варят крахмал и находится машина для впрыскивания ситца. Все суетятся, бегают, торопятся. Девушки и женщины сшивают куски ситца и миткаля, штопают ситец и т. п. В особой комнате, совершенно изолированной, помещается строгальная для миткаля машина; работа пыльная, и находящиеся при машине—с головы до ног в пуху.

Спускаясь в нижний этаж, мы присутствуем при печатании ситца. Помещение длинное, узкое и имею-

шее вид кривой формы; в нем пять цилиндро-печатных машин. Воздух насквозь пропитан чем-то кислым, острым и до боли режущим глаза, так что мы при самом уже выходе принуждены обратиться к платку, чтобы вытереть слезы, мгновенно выжатые ядовитым красочным воздухом. У самого ящика, наполненного краскою, стоят подраклисты, помощники главного мастера, заведующего печатными машинами, и наблюдают за ходом печатания ситца; они зорко следят за тонкой медной пластинкой—раклею, плотно и во всю длину прилегающей к медному цилиндру, который погружается в краску и рисунок которого потом отпечатывается на нескончаемой ленте белого миткаля, тянущейся куда-то в узкий—род какого-то ящика—коридор и исчезающей в кромешной тьме. До какой степени разрушительно действие газов, выделяемых красками, на зрение, можно судить по воспаленному состоянию глаз, замечаемому нами у подраклистов, из которых только один из десяти может, к то с великим трудом, протянуть до сорокалетнего возраста; обыкновенно скоро начинающаяся болезнь и затем опасение за совершенную потерю зрения заставляют их гораздо раньше оставить печатную машину и навсегда распрощаться с профессию подраклистов. Из печатной только-что вышедший и потому сырой ситец идет темным коридором, с температурою в 40—45° по Р., в зрельну и дотом на вешила; в этой страшной атмосфере, захватывающей дух и разъедающей глаза, выступают не совсем ясные очертания человеческих фигур: то мальчики, принимающие ситец и смотрящие за его просушкою... Я раз спросил одного фабриканта, что за люди впоследствии выходят

из всех этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах, в зрельных и на вешалах. Он, немало подумав, дал мне такой ответ:

— Бог знает, куда они у нас деваются, мы уж как-то их не видим после.

— Как не видите!.

— Да так, высыхают они.

Я принял это выражение за чистую метафору.

— Вы хотите сказать, что впоследствии они переменяют род своих занятий или перейдут на другую фабрику?—опять спрашиваю.

— Нет, просто высыхают, совсем высыхают!—отвечал серьезно фабрикант. Из зрельной или с вешилов некоторые сорта ситца поступают в заварку, т. е. подвергаются действию горячих ванн, через что краски закрепляются и ситец делается прочным. Заваривание происходит в то же самом помещении, где и отбельная, и характер работы одинаковый, только при заваривании у рабочих еще больше дерется одежда, так как им приходится иметь дело с посиром—лошадиным и коровьим калом—крапом и гарансином, растворенными в кипящей воде.

Последняя фаза—голандрение ситца. Для этой цели поставлены три машины с большими и гладкими цилиндрами, через которые пропускается ситец, и он приобретает лоск и плотность. У каждой голандры находится по несколько рабочих один запускает ситец, другой принимает, третий складывает, четвертый мерит и т. д. Запускальщики иногда жертвуют своими руками, если как оплошают, и цилиндры вместе с концом ситца захватят неprovорные пальцы запускающей руки.

Мы проходим мимо граверных, понтографов, кузнечных, слесарных и прочих мастерских, находящихся при ситцевой фабрике, как потому, что обзор их потребовал бы не мало времени и занял много места в настоящей главе, так и потому, что все эти перечисленные виды труда относятся к мастерствам, более или менее уже известным читателям. Остановимся лишь на лаборатории, или, по местному выражению, «лабораторе».

Помещение лаборатории стоит совершенно отдельно от всех других фабричных корпусов. Оно довольно высоко и имеет кверху несколько конусообразную форму. Пол земляной. В лаборатории помещаются кирпичные печи, котлы для варения красок, реторты и проч.; все остальное пространство занято плошками и горшками, наполненными красками в жидком и горячем состоянии. Пары и газы образуют густые облака и беловатой тучею висят над головами рабочих. Глядя на эти зеленые, красные, черные и желтые и различных цветов лица и звуки лаборантов-рабочих, смело можно подумать, что тут собрались представители всех рас земного шара, только в более усовершенствованном и потому более ярком виде. Материал для красок берется из всех трех царств природы: животного—для пунцового, адрианопольского ситца, растительного и минерального; к последнему относятся ядовитые вещества, как, например, мышьяк, сулема и т. п. Насколько воздух лаборатории здоров для глаз и дыхания рабочих—говорить излишне; замечу только, что у многих лаборантов, стоящих над горшками и размешивающих, нагнувшись, палкою дымящуюся краску, зубы черные и десны распухшие.

Фабрика Я. П. Гарелина расположена на восточной стороне Иванова и находится, подобно всем другим большим и средним мануфактурам, при самой реке Уводи, на правом берегу; она состоит из девяти каменных корпусов, не считая деревянной постройки, и занимает своими постройками земли не менее двух десятин. Впрочем, контингент рабочих—около тысячи человек—находится в главном трехэтажном корпусе, в котором помещается паровая машина, приводящая в движение все механизмы как на ситцевой, так и на ткацкой фабриках, последняя в одном дворе с ситцевой, и расстояние между корпусами несколько шагов. Отопление почти везде паровое, а там, где нельзя было провести труб, поставлены кирпичные или железные печи, которые топят дровами. Освещение везде газовое, кроме одного каменного, старинной кладки корпуса, в котором помещаются набойщики, т. е. где набивают ситец руками,—старинный способ печатания ситца, здесь работают при свете сальных свечей или ночника.

Стоит взглянуть на помещение набойщиков. Для этого мы зайдем на ситцевую фабрику торговой фирмы Николая Гарелина сыновей.

Фабричные корпуса ситцевого отделения мануфактуры гг. Гарелиных начинаются тотчас же за большим зданием, в котором помещается бумагопрядильная, и теснятся один подле другого. Все ситцепечатные помещения старинной постройки и не представляют никакого удобства. Набойный корпус принадлежит именно к разряду этой древней постройки. Он—каменный двухэтажный и имеет в длину 42 арш., в ширину 15 и в высоту около 4 арш., т. е. содержит

30.870 куб. футов воздуха. В каждом этаже стоят в два ряда по 40 верстаков—столов для набивки; каждый верстак занимает 84 куб. футов, что вместе составит 3 360 куб. футов (длина верстака 7 футов, ширина 3 и высота 4); исключив эту цифру из первой, будем иметь содержание воздуха в 27.510 куб. футов. В этаже находится 40 чел. взрослых набойщиков и 15 «штриховальщиков», следовательно при начале работы один человек имеет для своего дыхания воздуха 500 куб. футов. Но, к сожалению, это—иллюзия, как мы сейчас увидим. Положим, что работник с утра до обеда находится в мастерской 7 час, стало быть, к тому времени как уходит с фабрики, он уже пользуется только 71 куб. футом (мы не упоминаем о порче воздуха от дыхания). После обеда и до окончания работы он пробудет на фабрике столько же времени, т. е. 7 час, но воздух в промежуток обеда не успеет очиститься до такой степени, чтобы его достало хотя на 700 куб. футов на долю каждого работника. Теперь прибавьте, что ежедневно в данном помещении развешивается для просушки до 60 кусков набитого ситца, что составит всего 3 600 арш. (один кусок 60 арш.); ситец размещается по всей мастерской, от потолка и до пола, и делает воздух точно таким же, каким дышат рабочие в печатных машинах, говоря другими словами, тут воздуха в буквальном смысле совсем нет, а рабочие находятся под давлением какой-то ужасной атмосферы, действующей на человека очумляющим и губительным образом. Летом здесь открываются форточки, сделанные у каждого окна, но зато во все остальные времена года—никакой вентиляции. Таким

образом дышит ивановский крестьянин-работник со дня возникновения больших фабрик.

Фабричные помещения второй категории мало чем отличаются от помещений первой, и рабочий по отношению к гигиене поставлен в одинаковые условия, если только еще не в худшие; разница больше количественная, чем качественная так, например, все помещения фабрик этой категории заключены в двух, трех и много—четырех корпусах, тогда как помещения первой категории состоят из десяти и более зданий, превосходящих и громадностью размеров самой постройки. Есть еще разница в техническом устройстве, которая происходит от ограниченности капитала владельцев, те механизмы и усовершенствования, которые введены на больших фабриках, мы не везде встречаем на средних, отсюда больший спрос на рабочие руки и видоизменение труда. На некоторых фабриках нет мыльных барабанов, и потому миткаль моется рабочими прямо в реке, на которой устраиваются деревянные плоты, а зимою—в деревянных избушках, известных под названием «мытилок» и устроенных также на воде, по середине реки. При подобном способе мытья рабочие в гораздо большей степени, чем при мыльных барабанах, подвергаются неблагоприятному влиянию действия воды и холода. Машины для вспыскивания также заменяются людьми, которые на этот раз сами превращаются в машину, рабочий наберет себе в рот воды и вспыскивает миткаль. Эту операцию он совершает в продолжение всего дня. Затем мы находим разницу в труде по отношению к возрасту: что на больших мануфактурах делают взрослые работники, на сред-

них—впрочем на весьма немногих—исполняют малолетние. На ситцевой фабрике М. Ф. Ямановского при машине для голандренья ситца находятся мальчики, они запускают и складывают товар. В сушильне опять работают малолетние. Далее, те же малыши «разбирают» сырой товар. Это делается следующим образом: кусок ситца раскидывают по полу, и мальчик, расправляя жгуты руками, кладет мокрый ситец себе на голову; чем больше расправляет он жгуты, тем больше увеличивается тяжесть на голове; перебравши весь кусок до конца, он снимает его с головы и спускает на сушильный барабан, а затем снова принимается за другой кусок. И так, не переставая, целый день. Эти работники имеют крайне изнуренный вид и, будучи от роду 10-12 лет, по своему маленькому росту и сложению кажутся никак не больше семилетних. Перебирают они товар без рубашек в жаркой, но сырой комнате.

Нам остается теперь познакомиться с фабричными дворами, узнать, как они содержатся, и взглянуть на устройство ретирадных мест

Уже по одному тому, что мы видели, трудно было бы допустить, что фабричные дворы в Иванове содержатся хоть в какой-либо чистоте. Действительно, отсутствие всяких признаков заботливости о чистоте превосходит всякую меру описания, и вид дворов напоминает зрителю те страшные колодцы, которые описывает в своих фантастических рассказах Эдгар По и о существовании которых впервые и с ужасом узнали мы из восточных сказок в летах нашего детства. Фабричные дворы в большинстве случаев тесны и ничем не вымощены; не только осенью, но даже

летом они редко когда пересыхают, а чуть ненастная погода—обращаются в топкие болота, и рабочий вязнет в грязи буквально по колена. Всюду встречающиеся мусорные кучи, бугры и настоящие горы свидетельствуют о том, что под ними когда-то были ямы, назначенные для спуска негодных красильных веществ и различных нечистот. Несмотря на то, что все эти холмы и возвышения придают даже некоторую живописность виду, тем не менее, однако, заставляют отвести взоры и, что не раз уже мы делали, крепко зажать нос, так как исходящее от них зловоние воистину с ног сшибить может непривычного человека. При некоторых фабриках из корпусов проведены желобки и каналы в реку, но ради какой цели—не решит и сам премудрый Магомет; проводники эти остаются в полном забвении, густая масса находится в них в стоячем положении, между тем поверхность реки окрашивается темным цветом, вода заражается отравой, и от нее несет опять, как из помойной ямы!

Устройство и содержание ретирад, как мы нашли при фабрике фирмы Никона Гарелина сыновей, можно назвать образцовым по отношению к прочим фабрикам. Обыкновенно на эту то часть, как предмет самый пустой и притом очень «скверный», по понятию фабрикантов, не обращается никакого внимания. Выкопают у забора небольшую яму, поставят на ней досчатую будку или соорудят сами же рабочие для себя где придется нечто лодобное из жердочек, да прикроют рогожкой—и дело в шляпе—вот и отхожее место. Но все эти сооружения в скором времени делаются положительно недоступными для посетителей, ибо чистят их всего раз и много два в год, а потому

рабочие обращают для своей надобности большую часть фабричного двора. Нечего и говорить, во что превращается двор во время ненастной погоды и что на нем бывает в знойные летние дни.

Главные мануфактуры, находящиеся собственно в Иванове, расположены на восточной стороне. Одни из них изолированы от сельских строений, другие построены в самых улицах села. В Вознесенском посаде большие фабрики сосредоточены на северо-западной стороне. Как те, так и другие находятся при реке Уводи и занимают низменную часть. Средние и мелкие фабрики разбросаны по всему селу и посаду.

При взгляде на фабричные здания резко бросается в глаза теснота постройки и ограниченность земли, на которой они возведены один корпус жмется к другому, этаж лепится на этаж и т. п. Что земли мало и хозяин дорожил всяким клочком, видно из того, что вновь воздвигаемые фабричные здания все больше и больше выступают на самую длину и местами захватывают чуть ли не целые переулки, стесняя проезд и совсем загораживая проход. Многие фабрики, по этой или другой причине, грязь и зловоние своих дворов распространяют на самые улицы. Так, например, фабрика гг. Бурковых треть улицы занимает глубокими ямами, в которые из кубовой выливается окшир; ямы эти сверху прикрыты тоненькими бревешками в ночное время человеку, мало знакомому с Ивановым, легко провалиться сквозь эти бревешки, и если не совсем можно потонуть, то отлично выкупаться и выйти оттуда, конечно, с помощью большой толпы добрых людей—выйти чудесно окрашенным с головы до ног в темно-бурый

цвет. А фабрики гг. Напалковых, благодаря постоянному вывозу разных нечистот и окширу, завалили целый овраг, прорезывающий центр Иванова, и создали колоссальных размеров гору в Мельничной улице. Выходящий из машин пар и из высоких труб густой дым часто застилают туманом целые улицы.

Сколько же времени рабочий проводит на фабрике? Какое количество часов поглощается трудом в течение суток? Решению этих вопросов мы и посвятим новую главу.

Фабричные рабочие, как нам известно, разделяются на дневных и сменных. Первые работают 14 час. в сутки, вторые—12 час. Это вообще и, так сказать, *de jure*, как требуют «условные правила»; но в частностях и *de facto* фабрики берут у рабочего гораздо больше времени. Рассмотрим.

Нанявшийся рабочий,—гласит «Условное правило» фабрики Никона Гарелина сыновей,—обязан работать четырнадцать часов в сутки, а именно в летнее время с четырех часов утра до восьми часов вечера, из этого времени предоставляется на обед два часа—двенадцатый и первый час; в зимнее время—от пяти часов утра до восьми часов вечера, на обед предоставляется один час—двенадцатый».

Действие «правила» распространяется на всех рабочих как ежемесячно получающих жалованье, так и задельно. Взрослые, мужчины и женщины, и малолетние «обязаны» работать одинаковое число часов. Разницы по отношению ко времени между полом и возрастом никакой не допускается. Но мы сейчас уви-

дим, что многие работы по самому фабричному кодексу требуют уже не 14, а 16 час. в сутки.

На некоторых фабриках работы начинаются с 3-х с половиной часов утра и оканчиваются в 8 час. вечера; на обед дается полтора часа (ткацкая фабрика гг. Горбуновых, в 20-ти верст, от Иванова, ситце-набивные г. Ямановского, Н. И. Гарелина и др.), следовательно, рабочих часов будет 15 в сутки. Прием за среднюю цифру дневной работы 15 с половиной часов в сутки и пойдем дальше.

По «Условному правилу» каждый должен явиться на работу не позже пятнадцати минут после звонка под опасением в противном случае быть оштрафованным. Звонок или свисток бывает всегда за полчаса до начала работы; за четверть часа рабочий уже обязан быть на своем месте. По окончании работы ему опять ставится в неперменную обязанность прибрать товар, вычистить машину и т. п., на что минимум потребуется еще четверть часа. Таким образом, в фабричных стенах рабочий ежедневно проводит 16 час. в сутки, а затем в распоряжении у него остается свободного времени 8 часов: это и на обед, и ужин, и отдых. Как же он располагает свободным временем?

Рабочие по месту жительства делятся на живущих при фабрике и приходящих; последние живут или в самом Иванове, или в близлежащих деревнях. Подробно об этом будет в главе: «Жилые помещения рабочих». Первые встают вместе со свистком, т. е. за полчаса до начала работы, и торопятся бежать на фабрику; обедают полтора часа; вечером около половины девятого они возвращаются на квартиру

и принимаются за ужин, на что с неизбежными проволочками уходит полчаса. Затем еще столько же времени проходит в укладывании и кратких разговорах. Следовательно, для сна остается всего пять часов. Рабочие, находящиеся вне фабрики и живущие в Иванове, спят только четыре с половиною часа, полагая, что квартира от фабрики отстоит на расстоянии одной версты и для прохода в оба конца требуется полчаса времени. Я беру в среднем выводе, так как многие рабочие живут от фабрики в полуторе и двух верстах. Что касается до рабочих, ходящих ночевать в деревню, то здесь точной цифры времени, употребляемого на проход, нельзя определить: деревня одних находится в двух, трех верстах, других—в пяти и шести, третьих—в 10 и 15 верстах. Но последние ходят домой не каждый день, а только по воскресеньям и праздникам. Относительно же первых двух можно допустить максимум четыре часа сна в сутки, в чем не трудно убедиться, приняв в соображение вышеприведенные данные.

Независимо от этого распределения рабочих часов и времени для отдыха,—распределения, которое существует, как общее правило, закон—часто встречаются еще исключительные случаи, от которых совершенно изменяется как самое число рабочих часов, так и время отдыха. Такие случаи обуславливаются усиленным требованием на предметы местной производительности, что бывает перед главными ярмарками, на которых продается ивановский ситец; это то, что дневными рабочими называется «ночниною».

Каждый фабрикант, сообразуясь с размерами своего производства, нанимает известное, определенное число

рабочих; за норму при составлении комплекта рабочих обыкновенно берется средняя годовичная выработка. Но вот наступает, например, Нижегородская ярмарка, фабричные операции нужно удвоить, иногда даже и утроить, вследствие чего является необходимость в значительном увеличении числа рабочих. Фабрикант в таком разе умеет распорядиться так ловко, что производство увеличивается вдвое, и это без всякого прибавления работников; дело обходится при помощи наличного числа рабочей силы, назначается «ночница». Работник, проработавший день, получает приказание работать и ночь; на следующий день, утром, он освобождается от занятий и идет отдыхать до обеда; после обеда снова отправляется на фабрику и работает целые сутки. Так продолжается в течение двух, трех недель.

Переходим к сменным рабочим.

Трудовая неделя сменного работника начинается с воскресенья. После полудня, без четверти в 6 час, является на фабрику одна половина рабочих и ровно в 6 принимается за дело; около 12 час. ночи приходит другая половина и сменяет первую; эта работает до 6 час. утра и на смену ей является первая, которую также в 12 пополудни сменит вторая. Повидимому, работник здесь выигрывает во времени против дневною, у него больше свободы и отдыха, но на самом деле оказывается не то: при сменной работе больше траты сил, а отдыха меньше.

Окончивши работу, прядильщик или ткач первой смены идет ужинать. В час или в половине второго он ложится спать, но сон в три часа нарушается пронзительным свистком, возвещающим о начале работ

дневным труженикам; рабочий, поворотившись, снова засыпает, но тут в $5\frac{1}{2}$ новый свисток, и он вскакивает, крестится, хватает кусок черного хлеба и спешит на смену. Вторая смена возвращается на отдых и завтракает. Но тут уж день, каждому нужно куда-нибудь сходить по своему делу, и время проходит без сна. Первая смена точно так же не спит днем, рассчитывая впереди на ночь. Вторая смена в $6\frac{1}{2}$ начинает ужинать, и потом все расходятся спать; они спят от $7\frac{1}{2}$ или 8 и до половины 12-го. Из этого мы видим, что как у той, так и у другой смены рабочих для сна остается только $3\frac{1}{2}$ и много 4 часа, притом, надо заметить, сна не крепкого, а тревожного.

Подведем итог всему, что в этой главе сказано.

Дневные рабочие в стенах фабричных помещений ежедневно проводят 16 час. в сутки, что равно двум третям всей жизни каждого.

Рабочие, живущие при фабрике, спят в сутки 5 час, а те, которые живут на особых квартирах,— $4\frac{1}{2}$ часа и, наконец, уходящие в деревни пользуются уже только 4-часовым сном.

Посменные рабочие 13 час. в сутки проводят в здании фабрики и остальные 11 в своих жилых помещениях. Ежедневно спят от 4 до 5 час. в сутки.

Как же рабочий проводит остальную часть дня? Где он живет и отдыхает? Это мы узнаем из следующей главы.

**САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

8-ГОНЕК

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ БОЛЬШУЮ ПОПУЛЯРНУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ БИБЛИОТЕКУ В 1931 г.

24

КНИГИ

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“

Издания выходит под редакцией Общества Историо-марксистов при Коммунистической Академии ЦИИ СССР и под общим руководством

М. Н. ПОКРОВСКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: П. О. Горин, Ф. И. Махарадзе, М. И. Шабель, Ж. Н. Понровский.
К. Б. Радок и Г. С. Фришланд.

24 КНИГИ

Впервые издаваемая в СССР многотомная популярная библиотека «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ», которая осветит основные вопросы мировой истории, представляет исключительный интерес для каждого грамотного трудящегося, как ценный источник для самообразования и интересный занимательный материал для чтения.

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» рассчитана на массового читателя: парт., проф., колхозник, рабочий и крестьянин, учащихся, студентов, и для партийных и профсоюзных школ и курсов.

Издание будет богато иллюстрировано портретами, гравюрами, снимками о документах и фаномилле. Годовых подписочных базисов: 2 большие художественные многокрасочные исторические картины.

Подписная цена на «ОГОНЕК» с приложением «ВСЕ-МИРНОЙ ИСТОРИИ» и двух многокрасочных картинок — **21 рубль.**

Допускается рассрочка, при подписке—5 р., к 1 марта—4 р.;
к 1 мая—5 р., к 1 июля—4 р. и к 1 сентября—8 р.

Подписку сделайте немедленно на почту или многократно.

Переводы в издательство направлять не следует.

АКЦ. ИИД. О-во „ОГОНЕК“, Москва, Страстной бульвар, 11

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»

Принимается только вместе с журналом „ОГОНЕК“

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

**«ОГОНЕК с БИБЛИОТЕКОЙ „ОГОНЕК“ (36 номеров „ОГОНЬКА“
и 72 книжки БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“ в год)**

12 мес —10 р.; 6 мес.—5 р. 50 к ; 3 мес —3 р ; 1 мес —1 р

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносам

Переводы в Издательство посылать не следует

Акционерное Изд. О-во „ОГОНЕК“. Москва.